

Кентавры

92.

Журак и сивень. - 2001. - 1-й выпуск (1/2) -

«Международный день театра» – сочетание, где каждое слово значимо и ценно, в особенности это касается сезона нынешнего, расцвеченного фестивалями-олимпиадами. Во-первых международный – что означает особое, праздничное всемирное единство, разрастающееся в Москве уже не на день, но на месяцы безумного по сути своей театрального пиришества, то бишь чествования театра. Ну а самыми странными, по-хорошему безумными и давно ожидаемыми гостями Москвы-театральной наверняка станут: Барышников, Лифарь, Нижинский, Нуреев, Гойя, Пикассо, Баланчин, Фаринелли и другие не менее именитые артисты французского театра «Зингаро».

Ко всему прочему «Зингаро» в переводе на русский значит «цыган», а имя создателя театра – Бартабас – переводится не иначе, как бар и табак. А если учесть, что вышеперечисленные артисты – лошади – представляют последнюю постановку театра «Тринтикс» на музыку Игоря Стравинского и Пьера Булеза, – ясно, что ничего более сногисшибательно театрального и воображать нельзя. О «Зингаро» писали, что «в этом театре творцом не является слово, это театр образов», то есть универсальный, космополитичный, обращенный к любому обитателю планеты. Дающий повод вспомнить именно о нем, когда речь идет о празднике театра, который эта планета одновременно отмечает.

«Зингаро» – конный театр, не цирк, не скачки. Здесь вообще никто не «скачет», здесь играют, вдохновенно и азартно. Это театр лошадей, кентавров, музыки, мифа, свободного движения и увлечения. Бартабас называет свою труппу «племенем, в которое вселился некий дух» – в этом есть какое-то отстранение, какое-то отчаянное, восхитительное лицедейское кокетство, похожее на правду, настолько особенным, уникальным по природе своей театральности представляется грядущее

действие. В Россию племя Бартабасово перекочует впервые – его актерам необходим бережный уход и специальная площадка – ее сейчас выстраивают в Коломенском, за что устроителям Третьей Всемирной театральной Олимпиады полагается низкий поклон до самой травы, обещающей к шопу пробиться-таки из-под заледеневшей земли. Итак, к нам едут «кентавр» Бартабас и его кони!

Бартабас о театре «Зингаро»:

«Зингаро» любит то, что делает и делает то, что любит, не претендуя ни на что, кроме права идти собственной дорогой.

«Зингаро» избрал кочевой образ жизни не из стремления наследовать культурному прошлому, не из экономической необходимости, а подчиняясь желанию во всей полноте и без всяких поправок познать на себе долю, уготованную артистам.

Повозки, музыка, лошади – все это придает «Зингаро» облик цирка. Однако для него спектакль это ритуал, музыка – призывание, а лошади – религия.

Каков бы ни был конкретный жанр того или иного конного выступления, его художественная ценность будет зависеть от отношений, которые удастся установить между человеком и животным. И тут уже недостаточно одним только техническими возможностями человека. Тут лишь особый дар делает его полноценным артистом. Человек на лошади должен быть одновременно хореографом и танцовщиком, он обладает невыразимой гармонией, изяществом пластики. Он рождает ритм, несет его в себе и в своем партнере-лошади. Он позволяет партнеру раскрыть свой стиль, а сам отступает на второй план: артист и есть лошадь!

Никаких номеров. Вместо этого – прикосновение, пота, ансамбль, миг, картина.

В конце жизни Веласкес изображал уже не какие-то конкретные вещи, а то, что находится между ними. Это и есть именно то пространство, в котором работает «Зингаро».

«Зингаро» – это больше, чем просто хорошие спектакли. Это прежде всего желание прожить настоящее, «тотальное» приключение – словно находясь внутри вне-

временной повести, рожденной бурлящей фантазией. Это творение племени артистов – артистов до кончиков ногтей, до кончиков копыт. Благодаря всем этим замечательным существам «Зингаро» из мифа превращается в дерзкую реальность.

Из интервью Бартабаса газете «Либерасьон»:

Если бы мы сделали «Тринтикс» пятнадцать лет назад, зрители бы точно не появились. Но у меня всегда было смутное предчувствие, что однажды это станет возможным. Безусловно, кого-то новый спектакль удивит, но разочарование невозможно, если каждый новый этап отличается от предыдущего. И кино, и живопись, и музыка терпимы к эксперименту. А театр нет. Когда ты втягиваешь людей во что-то, здесь не может быть полупроуспеха.

Всякий честный художник идет к очищению. Он не повторяется, он продолжает свой поиск, а движение к простоте всегда и есть самое сложное. Что составляет красоту движения? Это интерпретация жеста, вернее его намерение. А не техника. Дрессура состоит в том, чтобы знать, когда просить и когда расплачиваться. Но если идти до конца, ты не ждешь, пока лошадь закончит свое движение, чтобы расплатиться с ней за это. Нет ничего проще заставить ее сесть. Но прекрасно не это. Прекрасно, когда у самой лошади возникает желание сесть. Этого я и добиваюсь от лошадей и от людей.

Меня в лошади интересует образ, который она мне посылает. Точность, великодушные в работе. Или что-то другое. Я не могу не думать: «А что она сама думает, лошадь?»

Лошади поняли то, что людям еще не дано понять. Это и осознание этого зла для людей – не есть шанс. А наоборот – неполоноценность. Иногда я по вечерам обхожу конюшню, смотрю на какую-нибудь лошадь и знаю, что она говорит мне: «Слушай, малыш, я-то здесь существую дольше, чем ты».

Дарья КОРОБОВА